

Иная тень

Растения жадно впитывали небесную влагу, от которой люди спешили укрыться. Кузнечики прятались под сенью изогнутых листьев, создавая среди колышущихся, вечно шепчущих зарослей мгновения застывшего покоя. Но тишину, укрытую пеленой дождя, вскоре раздробили в прах тяжелые копыта. Виновник разорения неспешно жевал ядовитые стебли, прежде чем побрести к золотисто-багряным полям.

С наступлением Сезона зелёного тумана дикие звери, прежде редко забредавшие к замку, стали появляться здесь целыми стадами. Животные подчинялись лишь инстинкту: их главной целью стали сочные колосья пшеницы, еще не успевшие созреть и покрыться жесткими остями. К тому же запах крови тех немногих людей, что поранились во время полевых работ, привлек к поместью необычайно опасных хищников. После того как за две недели произошло несколько нападений, жители, привыкшие бороться за выживание, взяли за оружие. Вооружившись ножами, мотыгами и копьями, они разделились на группы, чтобы по очереди охранять поля и приглядывать друг за другом.

Охотник Паро вновь получил возможность проявить свое мастерство в расстановке ловушек. Он изготовил множество петель и, воспользовавшись услугами кузнеца, выковал несколько одноразовых капканов из так называемого дешёвого металла. Этим словом здесь называли утварь из сокровищницы — золото и серебро были слишком мягкими и хрупкими, плавясь и деформируясь при малейшей неосторожности. Впрочем, убивать зверей не спешили: люди предпочитали просто отгонять их прочь.

— Некоторые твари мстительны и могут вернуться всей стаей, — предупреждал кто-то из крестьян. — С этим потом не оберешься хлопот.

Вскоре эта полуоборонительная охота принесла свои плоды. В сети попало немало причудливых созданий. Среди них были волки и овцы, сросшиеся в пугающем симбиозе: они ковыляли бок о бок, и трудно было понять, кто из них паразит, а кто — хозяин. Попадались одноглазые ослы, из пастей которых текла странная слизь. Ночами те, кто оставался караулить в полевых шалашах, часто слышали конский топот, но, выглядывая наружу, не находили ни души.

Фарфаноэрс вновь находился в кругу архитекторов, которые, несмотря на принятые единые меры веса, продолжали бесконечные споры. В этот момент к нему подошел застенчивый мужчина и, запинаясь, спросил: можно ли оставить пойманных детенышей животных для разведения?

Это был один из двадцати добровольцев, сопровождавших Повелителя в его первой поездке. Фарфаноэрс помнил его — это был Геф.

— Вы собираетесь... — начал было Повелитель, но Геф тут же перебил его, горячо заверяя:

— Мы выстроим конюшни и загоны, ваша милость! Устелем всё соломой, заменим гнилые балки...

— Постой, — остановил его Фарфаноэрс. — С чего вдруг такое рвение к животноводству?

Геф ответил честно: всё дело было в мельнице. Как и в мире живых, собранный урожай временно считался общим и распределялся централизованно, однако наличие деревянных купонов, ставших полноценным эквивалентом валюты, диктовало свои условия. Крестьяне не были глупцами: видя объявления на досках заказов, они понимали, что рано или поздно всё вернётся к старому порядку, где каждый отвечает за свой надел. На земле, отработав на полях лорда, они имели право распоряжаться продуктами с собственного клочка земли, который, строго говоря, тоже принадлежал господину, но отдавался им в пользование.

— Рано или поздно у мельницы выстроятся очереди, — рассуждали люди, толпясь у досок объявлений. — Сейчас мы мелем зерно вручную, а это долго и тяжело. Между соседями и так уже вспыхивают мелкие ссоры из-за того, кто пойдет первым. Такие раздоры — как укусы комара: вроде мелочь, а зудит и злит несколько дней кряду.

Многие разделяли это недовольство. И тогда кто-то предложил: если бы можно было запрячь в жернова скотину, дело пошло бы куда быстрее! Управляющая Хельзе говорила, что в её родных краях именно так и поступали, а значит, она знает, как всё устроить. К тому же животные могли бы помочь с пахотой.

Большинство людей согласилось на авантюру вовсе не из-за мельницы, до которой было еще далеко, а именно из-за последнего довода. Раньше у них просто не было условий для содержания скота, но теперь времена изменились.

Выслушав Гефа, Фарфаноэрс спросил:

— Кто подал эту идею?

— О, это был Сунци.

Бровь Повелителя дрогнула. Это имя казалось ему знакомым.

Позже, вернувшись в кабинет и обсуждая дела с Вирадуаном, он услышал от рыцаря предостережение:

— Сунци... У многих на его счету накопились претензии.

— Вот как? — удивился Фарфаноэрс. — Неужели кто-то в этом месте может быть хуже того негодяя Адама?

Жаль, что Адама не было рядом, иначе он бы непременно разразился гневной тирадой.

— Хельзе говорит, что он — редкостный лентяй. Неглуп, не злой по натуре, но...

Всё стало ясно. Человек просто хотел облегчить себе жизнь. Фарфаноэрс на мгновение лишился дара речи. Что ж, лень — один из главных двигателей прогресса. Он согласился на предложение еще тогда, в разговоре с Гефом. Развитие животноводства входило в его планы, просто он еще не решил, как к нему подступиться. Эта инициатива была как нельзя кстати — подопытные животные уже были под рукой. Почему бы не позволить людям заняться этим в свободное время?

Дав согласие, он не планировал вмешиваться в процесс. Излишнее давление сверху часто губит инициативу. Однако не прошло и недели, как пришла весть: в одну из ловушек попало нечто странное. Именно так — «нечто». Посланец не смог внятно объяснить, что именно они поймали, и, выложив всё, что знал, поспешил обратно. Заинтригованный Фарфаноэрс отложил дела и отправился к месту событий.

Оказалось, гонец не лгал. Даже самые заядлые спорщики умолкли, в изумлении обступив сеть. В ней не было ничего видимого, и всё же она явно что-то удерживала. В воздухе проступали очертания чего-то массивного и плотного, натягивающего ячейки сети.

Веревки дергались и натягивались. Если бы люди вокруг замолчали хотя бы на миг, они услышали бы странный звук — не то свист ветра в щелях окон, не то шелест песка или соли. Фарфаноэрс подошел к самой сети и, нахмурившись, долго всматривался в пустоту.

— Ты понимаешь мою речь? — наконец спросил он. — Если понимаешь, приподними сеть с правой стороны.

Невидимое существо, казалось, колебалось, но затем медленно выполнило просьбу.

За спиной Повелителя мгновенно вспыхнул гул голосов, но он жестом велел всем разойтись.

— Милорд, что же это такое? — не унимались люди.

— Нам как-то не по себе от этого...

— Я пока не уверен, — Фарфаноэрс коснулся серебряной цепи на груди. — Охотники могут остаться, остальные — разве у вас нет работы?

Люди неохотно разошлись, постоянно оглядываясь и гадая, что же это за диво. Остались лишь старый охотник Паро, Геф и Хельзе, которую это дело касалось напрямую.

Фарфаноэрс продолжил допрос:

— Ты умеешь говорить? Если да — толкни сеть справа, если нет — слева.

Снова возникла долгая пауза.

— Ты мог говорить раньше? — сменил тактику Повелитель.

Сеть качнулась вправо.

— А сейчас ты лишен этой возможности?

Влево.

— Ты был человеком, но после смерти почему-то стал невидимым для остальных?

Вправо.

Фарфаноэрс на мгновение задумался.

— Раз так, ты должен быть способен взаимодействовать с предметами...

Он повернулся к Гефу и велел ему принести комплект одежды у Гитны.

— Господин, как такое возможно? — спросила Хельзе. — Неужели это действительно человек?

Невидимое существо, способное касаться предметов, до боли напоминало легенды о призраках... Хотя, строго говоря, для живых она сама теперь была призраком. Паро хотел было помочь освободить существо из сетей, но Фарфаноэрс остановил его. Если снять сеть сейчас, существо станет абсолютно невидимым. А если оно решит сбежать?

Пока Геф ходил за одеждой, Повелитель вкратце объяснил Хельзе суть дела:

— Это... — он помедлил, подбирая слова, — иная ипостась души.

— Ипостась, — повторила Хельзе, убирая за ухо прядь черных волос. После всего, что она видела, даже самая нелепая история не казалась ей невозможной. Фарфаноэрс говорил так уверенно, словно знал тысячи древних преданий об этом проклятом месте. — Скажите, милорд... Вы когда-нибудь думали о том, что случилось бы с нами, не окажись мы здесь?

— Вы бы ели ядовитые плоды, мокли под черным дождем и страдали бы от бесконечной боли,
— ответил он.

Хельзе опустила свои травянисто-зеленые глаза. Фарфаноэрс никогда не требовал от подданных излишней почтительности, но ей всё равно приходилось склонять голову — она была выше большинства женщин и даже чуть выше самого Повелителя.

— Да... Скорее всего, те птицы терзали бы меня вечно...

Она горько и печально улыбнулась своим мыслям.

— Со временем душа может принять иную форму, — задумчиво произнес Фарфаноэрс. Его голос звучал глубоко, в нем слышались и сомнение, и тайное знание. Он словно рассуждал сам с собой. — Только вот какую... Душа обладает куда большей пластичностью, чем принято считать.

О чем он говорит? Фарфаноэрсу самому стало смешно от собственных слов. «Пластичность души» — он использовал термины, которые всплывали в его сознании сами собой. Выбрав то, что звучало наиболее понятно, он продолжил:

— Это существо — назовем его так — предстало перед нами в таком виде из-за того, что его душа претерпела некие изменения...

— И мы тоже станем такими?

— Маловероятно, — успокоил её Повелитель. — Это исключительный случай, тебе не о чем беспокоиться.

Хельзе задумчиво кивнула. Она пыталась осознать сказанное: должно быть, некоторые люди просто отличаются от остальных? Она вспомнила старика из своей деревни, у которого от рождения было шесть пальцев на руке. У его внука было то же самое, но это не мешало им работать. В деревне говорили, что в их роду такое случается, а у других — никогда.

<http://bllate.org/book/16116/1587581>